

Чжан Пан спрятался за бабушку и не посмел взять угощение. Его глаза, полные испуга, исподлобья смотрели на Тан Шоу.

— Такое дорогое лакомство... нельзя, — испуганно замахала руками бабушка Чжан, отказываясь принимать.

— Да ничего страшного, — мягко сказал Тан Шоу. — Я сам его готовил. Для ребёнка — всего лишь кусочек, не в счёт.

Чжан Пан выглядел меньше своих сверстников — худощавый, одет в обноски, одежда висела мешком. Был он то ли слишком измождённым, то ли от природы глазастым, но глаза у него будто выпирали — создавалось впечатление, что мальчик болен.

— Пан-Пан очень умный, — продолжил Тан Шоу. — В таком возрасте уже помогает бабушке. Пусть это будет ему наградой.

Но без разрешения бабушки Чжан Пан и не думал брать угощение. Он даже не смотрел на ореховое печенье — взгляд его всё время метался в сторону, словно боялся послушаться.

Как же не сжалиться? — думала бабушка, глядя на внука.

Он рос с ней с малых лет, и за всё это время едва ли хоть раз попробовал что-то по-настоящему вкусное. Летом, бывало, у соседей варилось мясо — аромат заполнял весь двор, а мальчик молчал, ни разу не попросил. Будто у него нос не чувствует запаха.

Но стоило бабушке отвернуться, он исподтишка делал пару глубоких вдохов — и вот тогда она однажды увидела, с каким вожделением он вдыхал запах, как блестели у него глаза... и до сих пор не понимала, как тогда смогла удержаться от слёз.

Сейчас, глядя на него, у неё сжалось сердце. Слёзы подступили к глазам.

Она едва заметно кивнула:

— Сюн-фулан сам дал — бери. Только не забудь поблагодарить, запомни, какое добро он тебе сегодня сделал.

Только после этого Чжан Пан осмелился протянуть руку. Его маленькая ладошка была вся в трещинах и шероховатостях — взглянув только на неё, можно было бы подумать, что это рука старой женщины, прожившей всю жизнь в тяжёлой работе.

— Пан-Пан благодарит Сюн-фулана, — серьёзно сказал он. — Я буду слушаться бабушку и хорошо работать.

У Тан Шоу сжалось сердце.

— Хороший мальчик, — мягко сказал он. — Когда вырастешь, не забудь заботиться о бабушке.

Чжан Пан кивнул. Но всё его внимание уже было приковано к ореховому печенью — в глазах будто зашевелились голодные червячки.

Он всё же не стал есть. Решил оставить его на вечер, чтобы поделиться с бабушкой. Сейчас в доме Сюн было столько людей, что бабушке и не получится поесть спокойно.

Днём в доме Сюн царил суэта: кто-то приходил за соевым маслом, кто-то — сдавать готовую работу. Не успели бабушка Чжан и братья из семьи Чжэн уйти, как явились Ли-да-няньцзы и её вторая невестка — тоже с товаром.

— Сюн-фулан, посмотрите, как у меня получилось? — не дожидаясь, пока за неё заговорит Ли-да-няньцзы, её вторая невестка заговорила сама. Она была бойкая и прямолинейная, что в таких краях встречалось редко. Большинство женщин, приходя в дом Сюн, особенно в присутствии Сюн Чжуаншаня, робели так, словно перед ними стоял не человек, а голодный волк.

Но, в конце концов, она была деревенской женщиной, с детства привыкшей к рукоделию. Характер, может, и не самый приятный, но подошвы у неё были сшиты хорошо: стежки плотные, ровные, и работа крепкая.

— Годится, — кивнул Тан Шоу, сразу же рассчитавшись с Ли-эр-сао: выдал ей и оплату, и залог.

Та поспешно сказала:

— Залог пусть пока у вас останется, можно я в этот раз заберу сразу две пары подошв? Отработаю, честное слово.

По-хорошему, залога у неё не хватало даже на одну пару, но учитывая, что за неё ручалась Ли-да-няньцзы, да и сама работа у неё действительно была добротной, Тан Шоу согласился.

Ли-да-няньцзы почувствовала себя немного неловко — прекрасно понимала, что Тан Шоу пошёл на уступку из уважения к ней. В сердце у неё зародилась тихая благодарность.

— Ли-да-няньцзы, — обратился к ней Тан Шоу, — мы с мужем хотим сшить по комплекту тёплой зимней одежды и сделать пару одеял. Не могли бы вы помочь?

Он достал отложенные заранее ткани и вату — всё, что успел купить за последнее время.

Он не стал просить помощи у свекрови или младшей сестры мужа, а хотел найти среди тех, кто работает у них дома, женщину с умелыми руками и добрым нравом. За эти дни он успел присмотреться — Ли-да-няньцзы подходила идеально.

Доставал он всё не украдкой — в этом не было ничего такого, что стоило бы скрывать. Все и так знали, что их семья теперь зарабатывает: одна только глиняная основа для кана стоит пять лян серебра, так что купить немного хлопка и тканей — вполне естественно.

В дальнейшем их жизнь будет становиться всё лучше. И что теперь — скрывать каждую купленную вещь, будто на краденое тратишь? Он сам, своими руками и головой, всего этого добился — почему должен стесняться?

Пусть завидуют. Именно зависть — первый признак того, что у них и правда дела идут в гору. А потом, когда они поднимутся ещё выше, зависть сменится восхищением и уважением — вот к такому признанию Тан Шоу и стремился.

Ли-да-няньцзы сперва даже опешила — она в жизни не видела столько хлопка сразу. Для неё это выглядело настоящей роскошью. Но когда её взгляд скользнул на глинобитный кан у стены, всё сразу встало на свои места, и сомнения исчезли.

— Не беспокойтесь, — с готовностью сказала она, хлопнув себя по груди. — Я всё сделаю как надо!

— За каждую вещь я заплачу по десять вэнь, за одно одеяло — пять, — рассудительно предложил Тан Шоу.

— Да ну что вы, — замахала руками Ли-да-няньцзы. — Помочь с одеждой — какое там платить! У нас в деревне как заведено: дают за работу обрезки ткани, и слава Богу. Если у вас такие обрезки останутся, а вам они ни к чему — лучше отдайте их мне.

Она была по-настоящему благодарна Тан Шоу. Без него её семья в жизни бы не заработала столько зерна и денег. В прежние зимы они буквально затягивали пояса — о том, чтобы наесться досыта, и речи не было. Горячая рисовая похлёбка — уже радость.

А в этом году — почти каждый день хоть один сытный приём пищи, иногда даже с маслом и поджаркой... настоящий праздник.

— Тогда так и договоримся, — кивнул Тан Шоу. — Будем по обычаям деревни: за одежду не плачу, обрезки ваши. Но вот за одеяла всё же возьмите деньги — они кроются строго по размеру, там ничего не останется. Всё же вы потратите своё время, а на это время могли бы, например, шить кантовки и подзаработать для семьи.

Ли-да-няньцзы видела, что Тан Шоу говорит серьёзно, и, не желая спорить, согласно кивнула.

— Муж высокий, — напомнил Тан Шоу. — Вы пошире и подлиннее одеяло сделайте.

— Ладно, я на глаз прикинула: Сюн-эрлан ростом, должно быть, не меньше восьми чи. Я тогда сделаю девять, с запасом. Так одеяло можно будет ещё и под ноги подогнуть — точно ниоткуда сквозняк не проберется, — деловито ответила Ли-да-няньцзы.

В чужой дом она бы столько ткани пожалела — вдруг потом скажут, что переводит хорошие материалы попусту. Но семья Сюн — не обычная семья. Сюн-фулан сам ей велел не экономить, лишь бы всё было прочно и тепло.

— Кстати, — поинтересовалась она, — Сюн-фулан, вы одеяло хотите односпальное или двухспальное?

Но не успел Тан Шоу открыть рот, как за его спиной вдруг словно ветер ледяной ударил — холодный, пронзительный, аж по спине мороз пошёл. Он невольно поёжился.

Странно... откуда сквозняк?..

Обернулся — и встретился взглядом с Сюн Чжуаншанем. А в тех глазах было холоднее, чем в самую зиму.

Тан Шоу поёжился ещё сильнее, потёр плечо... и слова "односпальное одеяло" застряли у него в горле, не решаясь прозвучать. Умный тот, кто умеет вовремя промолчать.

Ли-да-няньцзы в этот момент готова была сама себе врезать по губам — что ж ты, дурища, ляпаешь?!

И, не дожидаясь ответа, поспешно выпалила:

— Я поняла! Конечно, двухспальное! Я сделаю его большое-большое, тёплое-претёплое — как бы вы там ни ворочались, нигде не поддует!

Но поняв, что именно она сейчас сказала, Ли-да-няньцзы тут же вспыхнула как маков цвет и мысленно взмолилась, чтобы её прямо сейчас поглотила земля. Господи, что я вообще несу!..

Неожиданно Сюн Чжуаншань... остался очень доволен.

Тот самый Сюнь Чжуаншань, что обычно и слова не скажет ни шуангэру, ни женщине, пришедшим по делу в их дом, вдруг нарушил молчание и произнёс:

— Угу.

...

Все, кто находился в комнате, вмиг покраснели до корней волос.

Мясник Сюн, что всегда держится строго и молчаливо, и тут вот такое...

Без... без стыда и совести! Срам-то какой!

Даже братья из семьи Чжэн, крепкие деревенские мужики, залились краской до ушей, всем видом стараясь сделать вид, что ничего не слышали. Но где уж там — у кого кожа не дублёная, у того лицо вспыхнуло как у варёной креветки.

Бабушка Чжан тут же накрыла уши внуку обеими ладонями. Такое непотребство — маленьким нельзя слушать!

А сам Чжан Пан хлопал глазами, смотрел по сторонам — один, другой... Что случилось? Просто одеяло шьют. Почему всем так стыдно?

Взрослые такие странные...

Тан Шоу: «.....Я уже мёртв, если что — жгите бумажные деньги».

В комнате повисла тишина, а он сам мысленно выбросил белый флаг. Только виновник — Сюн Чжуаншань — и бойкая Ли-эр-сао остались с каменными лицами, будто ничего и не было.

Сюн Чжуаншань, неведомо по какой причине, вообще не выглядел смущённым. Наоборот — абсолютно уверенный, как будто всё так, как и должно быть. Его лицо без малейшего выражения словно само говорило: "Я сплю со своим законным супругом. Что в этом постыдного? А вы, что, со своими мужьями и жёнами не спите, что ли?"

От автора:

Эта глава получилась коротковата, не ругайтесь, мои котики. Просто следующая сцена по атмосфере не подходит для сегодняшнего дня, поэтому выкладываю эту лёгкую, чтобы вас порадовать.

Поздравляю всех, кто читает, с Праздником Фонарей! Пусть в ваших домах будет тепло, в

семьях — согласие, а в кошельках — побольше серебра!

А всем одиночкам (включая меня, вечно одинокого автора) — клятвенно обещаю: в течение месяца после этого праздника вы непременно найдёте пару! А потом будете щедро кормить собачьим кормом тех, кто всё ещё без пары! □

Хе-хе, не ругайте меня — как говорится: “Конфуций сказал: человек благородный не гнушается ни едой, ни любовью”.

Сюн Чжуаншань (без эмоций):

— Правильно сказано.

Конфуций? Кто такой — не знаю. Но говорит дельно.

Тан Шоу:

— ...*непечатное выражение.

Хахаха, просто маленький прикол — надеюсь, вы улыбнулись!

<http://bllate.org/book/13592/1205370>